О. П. ЛИХАЧЕВА

К изучению «Слова о твари и о дни, рекомем неделя»

В Собрании финляндских отрывков БАН СССР 1 хранится фрагмент рукописи (Ф. О. 38), содержащий отрывки трех произведений древнерусской литературы. Рукопись представляет собой два листа пергамена, бывшие, по-видимому, первым и последним листами тетради, входившей в состав рукописной книги. По палеографическим данным рукопись нами датируется концом XIII в. Эта рукопись известна в науке главным образом благодаря находящемуся в ней отрывку из «Слова о законе и благодати», опубликованному Ф. И. Покровским в 1906 г. 2 Кроме того, в состав рукописи входят начало «Слова о твари и о дни, рекомем неделя» и конец «Слова о воскресении».3

Что касается «Слова о законе и благодати», то его текстологическое исследование, с учетом Финляндского отрывка, проделано уже Н. Н. Розовым.4 Нам представляется интересным высказать некоторые соображения и относительно второго памятника, входящего в состав сборника, сопоставив с другими списками памятника самый старый из них — Фин-

ляндский отрывок.⁵

«Слово о твари и о дни, рекомем неделя» известно, кроме данного отрывка, еще в двух списках — в Паисиевском сборнике XIV—XV вв. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/1081) и Румянцевском сборнике XV—XVI вв. (ГБЛ, Румянцевское собр., № 358). Паисиевский список был несколько раз напечатан: сперва отрывок из него Ф. И. Буслаевым в 1861 г., 6 а затем полностью текст И. И. Срезневским в 1863 г. 7 и

1 Собрание финляндских отрывков описано в кн.: И. И. Сревневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. 2. СПб., 1879, стр. 1—38.
2 Ф. И. Покровский. Отрывок «Слова митр. Илариона о законе и благодати»

УК. И. ПОКРОВСКИИ. ОТРЫВОК «СЛОВА МИТР. ГІЛАРИОНА О ЗАКОНЕ И ОЛАГОДАТИ» XII—XIII ВВ. — ИОРЯС, т. II, 1906, кн. 3, стр. 412—417.

3 Текст «Слова о воскресении» до сих пор не был установлен. Кл. Константинова указала нам подобный текст в сборнике XV в. из Собрания Общества любителей древней письменности (ГПБ, ОЛДП, № 215). Нач.: «Зело ми ныне ум дръжат господъскаго въскресения чюдеса...». Это «Слово» в рукописи приписывается Иоанну подьскаго выскрессения чюдеса...» Это «Слово» в рукописи приписывается глоанну
Влатоусту. Оно встречается в сборниках типа Торжественника и Влатоуста, например:
Собрание А. С. Уварова, № 1772, начало XV в.; Собрание Московской духовной академии, № 17 (48), XV в.; Собрание Почаевской лавры, № 9 (103), XVI в.

4 Н. Н. Розов. 1) Рукописная традиция «Слова о законе и благодати».—
ТОДРА, т. XVIII, М.—А., 1961, стр. 43—53; 2) Синодальный список сочинений
Илариона — русского писателя XI века.— Slavia, № 32, Praha, 1963, стр. 141—175.

5 Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н., Б. Тихомирову за по-

мощь в работе и многочисленные консультации.

⁶ Ф. И. Буслаев. Историческая христоматия церковнославянского и древнерус-

ского языков. М., 1861, стлб. 530.

⁷ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863, стр. 262.

Н. М. Гальковским в 1913 г.⁸ Финляндский отрывок издан И. И. Срезневским в «Сведениях и заметках». 9 Оба этих текста были потом исследованы А. Н. Пыпиным 10 и Е. В. Аничковым 11 в работах, посвященных антиязыческой полемике древней Руси. Третий текст — Румянцевский — не привлечен к этим исследованиям, хотя А. Н. Пыпин в своей работе на него указывает.

«Слово о твари и о дни, рекомем неделя» (полное заглавие: «Слово истолковано от святых апостол и пророк и отец о твари и о дни, рекомем неделя, яко не подобает крестьяном кланятися недели, ни целовати ея, зане тваоь есть») — это антиязыческое компилятивное сочинение. занимающее не последнее место в числе многих проповедей, обличительных слов и поучений, сложенных и переведенных в первые века русского христианства, когда древние языческие обычаи и верования существовали в народе одновременно с христианством. Распространенность этих обычаев подтверждается тем большим количеством обличительных произведений. которые до нас дошли; они направлены против верований в идолов, в зверей, в русалок, против обожествления светил, дней недели, против игр и плясаний и т. п. Эти произведения, анонимные или приписанные известным авторам, достаточно многочисленны. В книге Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» издано 35 таких «слов». Изданию каждого текста предпослано предисловие с обзором рукописных текстов и литературы. Обзор этих памятников дается и в статье А. Н. Пыпина «Для обзора ложных книг и преданий», посвященной исследованию легенд, связанных с почитанием недели, т. е. воскресенья. «Епистолия о неделе» — апокриф, запрешенный еще в очень старое время, — это один из памятников такого рода. Почитание дней — воскресенья и пятницы (иногда персонифицированных в св. Анастасию и св. Пятницу), -- по мнению А. Н. Пыпина, объясняется близостью христианства первых веков к иудаизму, под влиянием которого и возникло суеверное запрещение работать в воскресенье (т. е. празднование в воскресенье еврейской субботы). Христианские проповедники не раз указывали, что священное писание не содержит подобных запретов и те, кто вводит их, «яве жидовьствуют». Чтобы отвлечь евреев от идолов, бог дал им субботу: потом им был дан новый, лучший закон, но они его не поняли и не приняли. Но для тех, кто принял этот эакон, т. е. для христиан, недопустимо возвращаться к обычаю прошлого. Христос «разрушил смерть» крестом, а не неделей. Следует не кланяться неделе, а праздновать ее отречением от «игр бесовских» и добрыми делами. Так толкует содержание «Слова о твари» А. Н. Пыпин. Однако оно посвящено не только поклонению неделе, но и другим языческим обычаям, притом совершенно не свойственным иудаизму.

Три известных списка памятника содержат три различные версии текста. Сравнение этих трех текстов весьма интересно. В рукописи Ф. О. 38 сохранилось около восьмой части текста памятника, если считать Паисиевский текст полным. В Румянцевском сборнике — краткая

⁸ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913 (Записки имп. Московского археологического института, т. XVIII),

сто. 97—100,

(раза в три сокращенная) редакция. Сопоставление этих трех тексгов показывает, что самый лучший текст — Финляндский. В нем сохранились некоторые чтения, утраченные или искаженные в Паисиевском списке. Разночтения с Паисиевским сборником Финляндского и Румянцевского текстов, как показано ниже, совпадают:

Финляндский и Румянцевский списки

Написавше свет в болван и кланяются твари.

Вернии же людие бегают того, и тако творяще, не тварь хулят, но Творцю кланяются.

Тако бо и мудрый рече: Господь створи воря (в Румянцевском: заря) и солнце.

Яко неиспытаны судьбы его и не-

иследовани путие его.

Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан (в Румянцевском: вырезан).

Паисиевский список

Написавше свет болваном и кла-

Вернии же людие бегают того.

Господь рече: Сотворим заря и солице.

Яко неиспытанный суд бысть сго.

Болван во идол написан...

Из этих примеров видно, что Паисиевский текст (хотя это и наиболее полный список) содержит ряд явных искажений, проявившихся в сравнении со старшими, неполными текстами. Однако именно Паисиевский текст лег в основу исследований памятника.

Е. В. Аничков уделяет несколько страниц своей книги «Язычество и древняя Русь» анализу этого памятника в ряду других антиязыческих сочинений. Он справедливо подчеркивает компилятивность «Слова», его бессистемность, «говорение одновременно о разных вещах» (о неделе, о свете и светилах, об иудаизме, о плясках, о трапезе роженицам и т.д.), приблизительность цитирования. Все это, по его мнению, свидетельствует о том, что составитель цитировал свои источники по памяти. С этим, по-видимому, связано отсутствие в Паисисвской редакции (в отличие от Румянцевской и Финляндской) указаний на источники и авторов. Воссоединяя куски текста по смыслу, Е. В. Аничков пытается вывести представление о протографе памятника. Основанием для такого рода умозаключений являются случаи не совсем удачных изменений первоначального текста для новых целей, например в следующем отрывке: «Тако бо мудрый рече: господь створи зоря и солнце, и свет пролияся и освети всю вселенную, а не рече о болване. Болван бо есть съпрятан, выдолбен, написан, осяжен, а не пролияся, яко свет на всю вселенную и есть свет неосяжен». Из данного контекста не ясно, какая связь между болваном и светом. Очевидно, в протографе осуждалось олицетворение и почитание света и светил. В других случаях цитирования также наблюдается несоответствие цитат контексту, свидетельствующее о том, что составитель использовал другое полемическое компилятивное сочинение, более общее по содержанию; несообразность некоторых цитат объясняется сужением темы проповеди от общего обличения двоеверия, «поклонения твари паче творца», до обличения конкретной его формы, например олицетворения недели, света и т. д. Это характерно и для других проповедей «вторичной формации», таких как «Слово о играх и плясании», «О жалеющих» (т. е. о заплачках), «О поставляющих трапезы роду и роженицам» и т. д. Таким образом, нахождение протографа — оригинального или переводного — представляется очень затруднительным, ибо мы имеем дело с использованием произведения общего характера в нескольких более частных проповедях. При этом такая обработка текста производилась не единовременно.

Гальковский усматривает в Паисиевской редакции, так же как и в другом памятнике такого типа — «Слове некоего христолюбца», указание на ересь стригольников, которое могло появиться лишь в XIV в., когда эта ересь стала известной. Впрочем, мнение Гальковского недостаточно убедительно. Такими упоминаниями он считает в «Слове некоего христолюбца» слова о «веселящихся о идолах своих», которые «не хужьши суть еретиков, ни жидов» (однако ни евреи, ни жидовствующие, ни еретики «о идолах не веселились»), а в «Слове о твари» — слова «жидове и еретицы многи книги почитавше, а разума добра не имеша и тем не яша веры и погибоша...», предполагая, что этого места не было в раннем тексте. Последнее обстоятельство невозможно установить, так как в Финляндском отрывке это место утрачено. Однако мысль Гальковского представляется интересной.

Интересные результаты дает также сравнение Паисиевской редакции с Румянцевской. Характерно, что в Румянцевской редакции вообще ничего не сказано о неделе. Там говорится только о твари и творце. Пыпин отмечает это обстоятельство, но считает упоминание о неделе в Паисиевском сборнике славянской вставкой в греческий первоисточник, «выразительным свидетельством об этом народном суеверии». Действительно, сильно сокращенная по сравнению с Паисиевской, Румянцевская редакция сохраняет текст целенаправленно измененный, обращенный только против идолопоклонничества. Текст значительно распространен по сравнению с Паисиевским (в той части, которая сохранена). Сравним несколько мест:

Румянцевский список

Хотя их бог на лучший разум привести, рече: Дал есмь имь заповеди, в них же не имать жити, ни ярма добра, но во узды место дано им было, хотя отучити того.

А принесете ми Ливан, то мерзость ми есть. Ливан же гора есть, жертвище идолское пребывше, ныне же жилище святых.

Паисиевский список

Хотя их бог на лучший разум привести, хотя отучити того.

А принесети ми Ливан, то мервость ми есть. Треб ваших ненавижю.

Румянцевская редакция— своеобразная попытка изменить рыхлый и бессистемный текст, улучшить композицию, говорить только об одном предмете, а не одновременно о многих.

Таким образом, мы видим, что все три сохранившихся списка «Слова о твари» представляют собой существенно отличающиеся друг от друга варианты, свидетельствующие о распространенности и неоднократных переделках памятника. Что же касается протографа или первоисточника по-видимому, общего для ряда памятников, — то его необходимо искать при параллельном изучении всех памятников этого цикла.

¹² Н. М. Гальковский. Борьба христианства. . ., стр. 77.